

Елена АРСЕНЬЕВА

СОЗВЕЗДИЕ ВИДЕНИЙ

Елена Арсеньева
Созвездие видений

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Созвездие видений / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Некогда посетили Землю бессмертные боги и населили ее людьми. Явились те боги с чудесной планеты, которая звалась Ирий, и в честь их деяний были сложены на Земле мифы и легенды. Но вот как-то раз один из потомков звездопроходцев той Первой Экспедиции, Север, вновь оказывается на Земле. Он потрясен и восхищен теми всходами, которые дали семена, посеянные богами и героями! Однако племя невров видит в Севере врага, и ему приходится спасаться на родную планету, забрав с собой земную девушку – Зорянку. Однако влюбленным нет места и на Ирии, потому что волшебные силы Зорянки пугают жителей этой благоустроенной, благополучной планеты. Север и Зорянка хотят вернуться в то же место и в то же время, когда они покинули Землю, однако случайно попадают на двадцать веков вперед и оказываются в Губернии, которая существует только благодаря запасам странного и страшного вещества – белопраха, уродующего все живое, порождающего монстров, уничтожающего природу Земли. С ужасом Север понимает, что месторождение белопраха возникло в незапамятные времена именно из-за того, что Землю некогда посетила экспедиция с Ирия, то есть те, кто засеял Землю жизнью, принес на нее и смерть...

© Арсеньева Е. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Лиховид	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Арсеньева

Созвездие видений

Часть первая. Лиховид

Безызвестна, сын гостинный, Божья воля!..

Старинная песня

День затворил свои врата. Ночь владела землей, боги в небесах почивали крепким сном. Месяц ясным, чистым взором глядел на спящий мир. И восходила в вышину звезда Зверяница, венчая самую глухую, темную пору.

Все спали.

Только Лаюн медленно, тяжело бродил своей тропой. Изредка он взглядывал на небо и думал, что оба они с месяцем – стражи ночного покоя!..

Дойдя до избы старого Баюныча, Лаюн круто поворачивал, и ему становилось видно жертвище Подаги – священный огонь, который стерегла служительница богини.

Нынче там была Меда, и Лаюн торопливо вознес молитву, чтоб неодолимый сон не смежил очи этой прекрасной и юной девы, пока не вернется на небеса Зимцерла, владычица утренней зари. Огонь могучий, словно смерть, – но при том беспомощный, будто едва народившееся дитя. Если угаснет пламень в жертвище, как добыть его снова? Разве людям сравняться с богами, дарующими небеснорожденный огонь? Трудно, ох трудно иссекать его из сухих древ, тот живой огонь... Горе деве, не уследившей пламень в жертвище Подаги! На памяти Лаюна такая беда ни разу не случалась, но старый Баюныч как-то поведал, что древле, когда у богов еще были иные имена, случилось, что дева проспала смерть священного огня. И долго еще немилость небес преследовала невров...

Так не спи же, не спи, Меда! Поднимается буря, несет она громовые тучи, до краев налитые дождем, – стереги огонь!

Вот дуновение коснулось лица... пусть это будет легкий ветер Догода, успел еще подумать Лаюн, но нет! – бурный, свирепый Позвизд пронёсся меж облак и грянулся оземь.

Огонь костерка испуганно съежился и забился под-исподь угольков. Меда заслонила его ладонями и испуганно вскинула глаза.

Ох, да что ж это творится там, в царстве вихрей и молний?! Несутся с вышины три красные, полные светом блистаницы, рассеивая вокруг туман густой, огненный... Но вот остановили свой лет, закружились, сливаясь, чудилось, кто-то размахивает огромной лучиной! А потом этот круг световидный снова ринулся вниз.

Что это? Молния – небесный огонь играет? Или зверь-летуч пламень, рожденный дальними бурями? Но нет, не похоже все это на тот огонь, что даруют людям боги... Настала страсть воздушная! Гром скрежещет, и ветер, ветер все клонит долу!

Меда в ужасе зажмурилась, всем телом ощущая, что земля гулом гудит, словно это сама ночь стонет, а Обимур-река ходуном ходит, будто на дне ее ворочается огромная, чудовищная сила. Вновь она отверзла трепещущие веки... и на миг почудилось, что в сердцевине горящего пятна, стремительно летящего к земле, она различает темный очерк человеческого тела!

И в сей же миг пламень достиг вершин леса. Озарил их, подобно заходящему солнцу, – и скрылся. Еще одна, последняя вспышка – и непроглядная тьма воцарилась и на небесах, затянутых потревоженными тучами, и на земле, где умер от страха священный огонь Подаги.

* * *

А он уж не сомневался, что все – конец, конец! Летел стремглав по черному коридору, но то не был тоннель перехода, нет... глухо, черно... а впереди маячило светлое пятно – последнее видение Ирия! Сердце сжималось, сжималось – вроде бы радоваться надо, что возвращается домой, но он знал: это не может быть Ирием, это что-то иное, запредельное, за гранью бытия... бездна. И еще осознавал в этом предсмертном отчаянии, что не действуют маяки, не принимают! Всё!.. И вдруг стены словно бы раздвинулись, разжались, выпустили на волю сердце, дали вздохнуть.

Темнота не разошлась, однако это была уже другая темнота, своя, привычная: темнота рубки «Инда», рассеянная лишь слабыми огоньками пульта, и Север понял, что достиг желаемого.

Удалось. Вслепую, но удалось. Неужели?..

Север долго еще сидел во мраке, постепенно успокаиваясь. Рука так и витала над пультом, но он сдерживал себя. Мало, что чуть не погиб при посадке, – нашумел, как полагаются распоследнему идиоту, а не Дальнепроходцу. Хвала Звездам, хоть приземлился точно, на поляну, не напоролся на острые деревья, не рухнул, сея смерть и ужас, посреди селения. Нет, наверное, ужас все-таки посеял. С таким-то громом и грохотом, да еще со всеми световыми эффектами идти на посадку!..

Что бы обо всем этом сказал бы Старый Север – страшно подумать. А товарищи по эскадрилье?! Он ничего не знает о них. Кому еще удалось пройти без маяков и благополучно сесть? Может быть, они еще кружат где-то, ждут его, исчезнувшего? Неужели экспедиция провалена?..

Нет, лучше об этом не думать. Все равно – у каждого свои задачи, свои сроки, своя судьба.

Север сидел задумавшись, но тихое, радостное нетерпение толкло в сердце, словно теплый птенец, накрытый шалашиком ладоней. И наконец он стиснул переключатель звука и резко сдвинул его.

И оцепенел!

Скрежетало что-то, скрипело, завывало, прищелкивало. Словно бы металлическое чудовище насыщало – и никак не могло насытить утробу свою... И вдруг истошный вопль пронзил слух. Еще, еще раз! Потом сменился злорадным уханьем, хлопаньем – и затих вдали. Но что-то еще скрежетало, скрипело, взывало...

Север некоторое время так и оставался недвижим в кромешной тьме, едва не обеспамятев от ужаса – как ему теперь казалось, еще более сильного, чем даже там, при посадке, – пока не начал соображать, что включенные сразу на полную мощность звукоуловители обшивки обрушили на него и беснованье деревьев, потревоженных им же поднятой бурей, и шелест листвы, и поскрипыванье хвои, и шуршанье травы, а дикие вопли – это всего лишь голоса ночных обитателей леса.

Стоило себе все это объяснить, как стало легче, но страх не уходил – детский, бессмысленный страх. Чудилось, он попал в мир старых сказок... что ж, так оно и есть, ведь Земля всегда пребывала миром чудес, где Первые Дальнепроходцы посеяли не только свои вечные жизни, но и все те знания, мысли, чувства, которые питали их разум и сердца на протяжении сотен тысячелетий там, дома, на Ирии. Не тени ль древних преданий, прежних сновидений, обретших здесь иную судьбу, – а вместе с ними и новых, рожденных уже на Земле, чудес и

чудовищ обступили сейчас спускаемый аппарат, жмутся к обшивке, притикают к люкам, льнут к иллюминаторам, шепчут, усмеваются, бормочут, зовут; «Север, Север!.. иди!»

Руки против воли пролетели по пульта, оцетинивая аппарат парализующей защитой, опуская непроницаемые фильтры на иллюминаторах, включая внутри предельно яркое освещение.

В этот момент все, что находилось (что там находилось?!) за пределами корабля, должно было оцепенеть.

Север несколько раз оглянулся: не подкрадывается ли кто-нибудь (кто мог там подкрадываться?!) сзади, – потом, сам себя презирая, откатился с креслом в самый глухой угол и уже отсюда принялся зеленым огоньком рисовать на экране пульта детали маскировки спускаемого аппарата. «Род-1990», эскадра-звездолет, остался в орбитальном коридоре, ему, по счастью, маскировка не нужна. А вот «Инд» надо укрыть. Северу хотелось, чтобы получилось прочно, добротно, красиво, максимально похоже на жилище аборигенов (то есть, простите, дальних, ну очень дальних родственников), – но и отпугивало любопытствующих. Крыша остроконечная, с просторным дымоходом, стены обшить псевдобревнами (пульт расцвел огнями, напряженно выполняя команды), ну, и на сваи поднять... В них можно упрятать пусковые толкатели. Сваи должны быть прочными, но и подвижными, чтобы термоустановки были постоянно обращены к солнцу, не то в лесной мгле батареи живо сядут – и не поднимешься отсюда. Значит, сваи должны уметь вовремя поворачивать замаскированный корабль. И прочнее, разлапистее сделать их основания!..

Наружные камеры между тем показали, что близко начало дня. Непроницаемая чернота небес сменилась густой синевой, и счастливое нетерпение вновь охватило Севера.

Пожалуй, для первого выхода следовало бы подготовить имита... Но – нет. Первый выход нужно сделать самому! Север торопливо надел малый боевой скафандр с самым легким шлемом, из оружия взял только кастет-парализатор – и поспешно, будто снаружи его кто-то ждал, двинулся к выходу.

А ждала Севера тишина... и если бы не гасли одна за другою звезды на небосводе, отмечая течение времени, он подумал бы, что жизнь в этом мире замерла.

Вокруг корабля, принявшего теперь вид четырехстенной избушки на высоких подставках, напоминавших голенастые и когтистые птичьи ноги (Север откровенно залюбовался своей работой, только высокомерно оказался вход, и пришлось затратить еще какое-то время, чтобы установить трамплин и отрегулировать фотоэлементы так, чтобы двери раздвигались еще перед летящим), – итак, вокруг корабля сидели и стояли в причудливых позах неведомые прекрасные звери. А в воздухе висели, распластав онемевшие крылья, большие и маленькие птицы.

Север долго бродил меж этих уснувших гостей. Трогал застывший в падении древесный листок, заглядывал в недвижные, широко открытые глаза зверей, трепал их жесткую шерсть. Перебирал шелковистые перышки, гладил разноцветные головки птиц... Чудилось, самый воздух на поляне предельно насыщен не только парализующей энергией, которая остановила даже птиц в полете, даже ветер, – но и какой-то странной, всепоглощающей печалью. И об этой невнятной Северу печали все шептало, все ее навевало, чтобы и он стал недвижимо-печален, сроднился с этим зачарованным миром...

С трудом прервав оцепенение, Север углубился в лес. Ясно, что аппарат придется оставлять без охраны. Он не желал этого сонного царства на поляне, не собирался причинять никому самомалейшее зло без острой необходимости, а ведь неизвестно, как отразился бы вот такой заколдованный сон на людях, которые непременно здесь появятся!

И все же он снял защиту, лишь удалясь от Сонной Поляны в лес на предельное расстояние, на котором только действовал ручной пульт. Пусть уж гости пробуждаются без хозяина. Так всем будет лучше!

Север упорно, до устали, ходил и ходил по лесу, пока не убедился, что его «проводник» запомнил окрестности и при нужде безошибочно выведет его из любого оврага или зарослей, переведет через ветровал или петляющую речонку.

Состояние, в котором пребывал Север, не поддавалось описанию. Казалось, небо сияет только для него, для него одного-единственного во всей Вселенной! Ну разве что еще для этих вот огромных, пышных – деревьев, и солнце поберегло свет и тепло только для этих тихих трав... Он словно бы все время ждал чудес – и они приходили, обступали, обещали: «Это еще не все! Все еще будет! Ты жди!..» И опьянение восторга беспрестанно кружило голову, и совсем уж помешаться от счастья и диковинности окружающего не давало одно: он до сих пор еще не видел людей.

Не по их вине: сам намеренно обходил селение стороной, решив сперва хорошенько освоиться на местности. И когда вдруг неподалеку – там, откуда доносился шелест воды и тянуло влагой, – раздались неясные голоса, Север едва не бросился назад, к своей «избушке», такая буря чувств вдруг нахлынула. Но все же он пересилил себя и пошел было на шум – да лишь чудом удержался за ветви густых кустов и не свалился в воду с приярого берега. Впрочем, эта неожиданность никак не остановила его внимания, потому что неподалеку он внезапно увидел множество людей.

Хвала Звездам! Опыт, поставленный тысячелетия назад, удался. Люди... Север смотрел и смотрел на них едва ли не со слезами умиления. Они были прекрасны! Семена, занесенные из дальних, дальних миров на пустынную планету, дали чудесные всходы.

Мужчины были высоки и сильны, женщины стройны и красивы, дети бодр и веселы, старики спокойны и приветливы. Правда, все они оказались одеты несколько однообразно на взгляд Севера: в белые грубые одеяния, – но ему понравилось и это.

Вот один из старцев – с длинными волосами, перехваченными на лбу ремешком, с заплетенной в косички седой бородой, – подал знак, и столпившиеся на берегу расступились, пропуская к воде четырех молодцев, несших что-то, сплошь увитое цветами и листьями.

Север глядел безотрывно. Он ничего не понимал. Это и влекло его безумно. Это и очаровывало!

Люди водрузили свою ношу на возвышение берега, и юные девы тотчас повели вокруг хоровод. Их голоса зазвучали слитно и ладно, и Север обомлел, ибо такого мелодического согласия никогда не слышал прежде. Вот и налицо то, чем культура потомков обогнала культуру предков!..

Девы, кружась, обирали цветы с того недвижимого предмета, бросали их в реку, и по темной, спокойной, еле волнуемой ветром воде поплыли меж зеленых берегов – синие, белые, алые цветы. И небо сияло прозрачной голубизной, и чудилось тоже рекою безбрежною, по коей плывет цветок-Солнце...

Очарованный и восхищенный, Север не сразу заметил, когда все цветы были собраны и брошены в волны, а взору открылась еще одна дева. Тут слившиеся голоса стали еще мелодичнее, еще чудеснее, хоровод закружился быстрее, а потом все разом устремились к этой деве и, подхватив ее множеством рук, с размаху швырнули в реку, почти на середину!

Север вскочил. Обряд, который он наблюдал с таким восторгом, тотчас перестал умилять его, особенно когда он увидел, что стоило вынырнувшей деве подплыть к берегу, как из толпы вышел крепкий черноволосый человек и, невзирая на жалобные вопли столпившихся поодаль женщин, длинным шестом оттолкнул плывущую на стремнину. Она сделала несколько сильных взмахов, пытаясь вернуться на спокойную воду, – распутившиеся волосы тянулись за нею, словно золотая солнечная дорожка, – но тут ее схватило течение.

Река только что тешилась легкими венками, но и с более непокорной добычей она управлялась без труда. Все реже появлялась над водой светловолосая голова, беспомощные руки...

Дева крикнула, моля о помощи, но тотчас захлебнулась и, вновь пробившись на поверхность, продолжала теперь бороться с рекой молча – один на один.

Видеть это Север больше не мог. Мигом исполнившись ненависти к тем, кем он только что восхищался, он метнулся к воде, да одумался. Его заметили бы люди, а Север вовсе не желал начинать знакомство с местными жителями с нарушения их обычаев – пусть даже диких и жестоких на его взгляд. Счастье, что ранец он не забыл пристегнуть! Мигом снял его, открыл, размотал тонкие шланги, закинул раструбы в воду и задал программу координат.

Раздалось что-то вроде сытого, довольного хлопанья – и со страшной скоростью верхние слои воды устремились в шланги. Чудилось, они втягивают воду в рюкзак... целую реку! Но нет, конечно. Происходила мгновенная переброска жидкости в глубокий овраг, находившийся отсюда не менее чем в дне пешего пути. «Рюкзак» был мощным строительным инструментом, предназначенным для перемещения огромных масс земли, песка, камня – а при необходимости и воды. Такими же рюкзаками была оснащена вся Первая Земная Экспедиция, и Север видел еще вчера на обзорном экране в пустыне столь могучие сооружения, напоминающие пирамиды, что создать их, конечно, могли только Первые Дальнепроходцы этим замечательным инструментом.

Север знал, что в том овраге уже ошалело билась мелкая, да и крупная рыба, втянутая эластичным горлом «рюкзака», взалхлеб пьющим реку; вилась подводная трава, сорванная могучей силой... Однако та, которую хотел, спасти Север, все еще была далеко от него. Казалось, какая-то сила приковала ее к месту, в то время как вокруг бежит и свищет очумелая вода.

Приглядевшись, Север увидел, что девушка зацепилась своей просторной одеждой за ветви подмытого корявого дерева, низко нависшего над водой. Безумное течение било и хлестало ее, словно жалкий листок, и то, что Север чаял спасением, могло обернуться для нее гибелью.

Одним движением Север перекрыл шланги и опять сунулся было к обмелевшей реке, да вовремя разглядел предательски обнажившееся топкое дно. «Вот бы когда сгодился имит!» – ругнул он себя за непредусмотрительность. И, натянув на правую руку до самого плеча рабочую перчатку, торопливо начал наращивать манипуляторы.

Вскоре предплечье, кисть и фаланги удлинились настолько, что гибкая искусственная конечность, подобно какому-то диковинному зверю-рыбе, выползла из-за кустов. Раздвигая волны, она дотянулась до безжизненно повисшей девушки и, приподняв ее над водой, дотащила до берега, вновь скрывшись со своею ношей в кустах.

Дело было сделано. Север передвинул ключи насосов – и река, взметывая радужные смерчи и играя в водоворотах, понеслась обратно в свое покинутое, обмелевшее ложе. Сверкала на солнце вода, сверкала чешуя рыб, сверкали радужные брызги... И только тут Север взглянул на берег, где недавно видел обмершую от ужаса толпу.

Теперь там было пусто. Люди разбежались! Он вновь остался один... Впрочем, теперь на траве у его ног лежала еще и добыча.

Убирая шланги, рюкзак и манипулятор. Север поглядывал на нее. Какая-то мгновенная, темная тревога вдруг коснулась его сердца... но почему? В добыче не было ничего угрожающего. Она являла собою нечто мокрое, бесформенное, исхлестанное волнами, облепленное изорванной одеждой и перепутанными волосами.

Север нарочно возился со сборами долго, а спасенная все никак не приходила в себя. Похоже, не миновать нести ее особую. Ну как оставить здесь? Во-первых, звери... во-вторых, как знать, не бросят ли ее вновь в реку сородичи, наткнувшись на нее тут, и тогда уж некому будет ее спасти. В-третьих, ей, конечно, нужна серьезная помощь. Ну а в четвертых – и в главных! – наступало то самое, ради чего прибыл на Землю Север. Контакт. Если девушка вообще еще жива, конечно.

И тут он заспешил.

Пристегнул рюкзак, перекинул через плечо спасенную из волн, подхватив ее под колени, и включил «проводника».

На дорогу он не обращал большого внимания, свободной рукой еле успевая отстранять с пути ветки, стараясь оберегать «добычу». Нападения зверей и людей он не опасался, прекрасно понимая, что вид имеет пугающий, и поэтому не было предела его изумлению, когда затылочные камеры шлема передали, что его нагоняет, ломаясь сквозь чащобу, кто-то косматый, мохнатый и зеленый, напоминающий обросшее мохом корявое, невысокое дерево, если бы оно вдруг вздумало сорваться с места!

Впрочем, почему ж невысокое? С каждым шагом неведомое существо росло, росло и, казалось, запросто может дорасти и до самых высоких деревьев. Его зеленое лицо было угрожающе обращено к Северу, огнем вспыхивали глаза, и чудилось, что этот лик порос травой, а в бородине запутались ветки и листья, вместо ног же – разлапистые корни!

Неужто некий дух лесной возненавидел Севера и готовится напасть? И не один! Второй за ним следует, столь же кошмарный!

Но почему, за что? Или они явились на чей-то зов?

И только теперь ошеломленный Север ощутил, что тело спасенной им девицы, еще недавно такое безвольное, вяло болтавшееся на его плече, сейчас напряглось, налилось силой: ее колени уперлись ему в грудь, кулачки молотят по спине, а губы что-то выкрикивают.

Понадобилось мгновение, чтобы строй и словарь ее речи сделались понятны Северу, – с проблеском радости он уловил несомненное родство здешнего наречия с тем, которым владели на Ирии, и явственно разобрал:

– ...а вы, из леса лешие, придите ко мне на помощь противу моего супостата!

Нетрудно было догадаться, что зеленые, мохнатые, огромные, нагоняющие Севера, и есть эти самые «из леса лешие»: неизвестные местные животные или даже растительные виды, умеющие передвигаться, – и они вот-вот нападут!

Север взъярился. Неблагодарность «добычи» проняла его до глубины души! Он в сердцах шлепнул ее по круглому бедру (микрофоны донесли истошный визг), а потом, обернувшись, повел парализатором в сторону погони.

И потом еще какое-то время стоял, растерянно водя глазами и камерами шлема по сторонам, потому что никого не оказалось позади, кроме мгновенно оцепенелых деревьев.

Наконец Север включил предельную скорость «проводника» и в считанные мгновения очутился возле своей «избушки».

* * *

...Был он не из бегучих-четвероногих, не из легкокрылых, а меж тем преодолел путь лесной-дремучий, будто стрела. Вид его дик и страшен! Никого из зверья чужеядного не устранилась бы Зорянка. Запросто она бы управилась с тем зверьем! А вот с этим душеглотом...

Одет он толстой шкурой, и голова в панцире, а лица вовсе нет – одна тьма непрозрачная вместо лица. Ох и страшен, верно, лик его, ужасен, коль оградился тьмою непроглядною! Воистину, имя его должно быть Лиховид – и никакое иное. И невидимые глаза и уши, не иначе, у него по всей голове потаенно растут, ибо затылком он зрит и слышит. Силу рук его ледяных не разомкнуть, не пробиться заветной чарой до трепетанья мысленного и сердечного, не взять, не опутать, не одолеть. Колдун лютый, могучий он! Или даже душеяд? Растерзает в клочки! Откуда, откуда явился?! И не его ли злым дыханием этой ночью убит священный огонь Подаги? Не он ли повинен в том, что Зорянку приговорили к испытанию Рекой? И не он ли стал помехой это испытание одолеть?

Зачем помешал, зачем из воды вытащил? Плохая примета для невров! Никому не хочет зла и невзгод Зорянка, а нынче с этим... с лютым, вину делит.

А и могуч, и хитер он! Реку-то не иначе выпил – выпил чуть не до дна; Шишко и Подкустовиик его не обошли, не проняли. Многострашна и изба злообразного чудища: на птичьих ногах стоит, переминается да боком поворачивается, а к высокому порогу нет ни лесенки, ни приступочки-сама земля ввысь подкинула Лиховида с Зорянкой на руках!..

...Конечно, Север был зол на добычу, но увидев, с каким ужасом заматалась она по отсекам «Инда», ища хоть какого-то укрытия, шарахаясь от незнакомых, пугающих предметов, кресел, пульта, раздвижных дверей, а потом съежилась в углу, – он почувствовал, что злоба его уходит.

Злобу вытеснила жалость. «Добыча» казалась ему маленьким, пугливым зверьком. Бедная девчонка!.. Да, ясно, что те блага цивилизации, которые должны были оставить на Земле пришельцы с Ирия, или утеряны, или ведомы далеко не всем. Очень многое придется начинать с самого начала. А кому начинать?.. Северу бы гордиться задачей – а он досадовал. Большой охоты к просветительству в себе не находил, его дело – разведка.

Вот и сейчас – надо бы успокоить эту сжавшуюся в комок дикарку, но как? Завести с ней разговор? Но язык его еще не пробовал на вкус чужих слов, и он боялся неверным выговором еще больше напугать ее.

Север стоял, в растерянности не сняв ни скафандра, ни шлема, и вдруг увидел, что сквозь растопыренные пальцы и спутанные волосы блестят ее глаза.

Она наблюдала за ним!

И снова темная, тревожная пелена на миг застлала его взор.

Страх? Да пустое!

Но сердце томилось, и Северу захотелось как-то защититься, не показав, однако, при этом своего смутения. Он мягко, чтобы не насторожить «добычу», протянул руку к стене и, медленно нажав на панель, раздвинул дверцы ниши.

...Под рукою Лиховида что-то замерцало – мягко, потаенно, тепло.

Зорянка, забыв об осторожности, потянулась взглядом к этому тихому свету – и увидела три округлых камня, лежащих в дупле стены. Они походили на яблоки – прозрачные, зеленовато-золотистые яблоки. Ох и на диковинной же яблоне они возросли! Где такое видано – яблоки в кулак величиной? А вот знать бы, медово-сладки они иль кислы, что дички?..

Меж тем Лиховид взял одно из них своею перепончатой лапой и положил на то, что заменяло в его избе стол. Испытующе обратив к Зорянке свое невидимое, непроницаемое лицо, словно проверяя, не убоится ли она, Лиховид слегка тронул яблочко – и оно закружилось по столу: сперва на одном месте, стремительно, а после – медленнее, тише, описывая все более широкие круги.

Зарябили, замелькали, заиграли серебряные и золотые блики, рождая многоцветный, переливчатый туман. И вдруг из этого радужного тумана соткался пред взором чудный облик пира незнаемого!

Север взирал упоенно. Образ Ирия, образ родимой планеты во всем блеске ее величавой красоты возникал из микрохранилища, и он на миг даже забыл, зачем, собственно, распечатал одну из имитограмм, – так был восхищен созерцанием.

Это был вид столицы. Горит снимали с высоты птичьего полета, но постепенно объективы приближали вольный разлет улиц, и Север подумал, что слово «горит» на древнем жаргоне Дальнепроходцев не зря означает «колчан». Воистину, улицы этого города были подобны легким, прямым стрелам!

Но вот уже выросли в тесных – и вмиг раздвинувшихся до бесконечности! – стенах «Инда» просторные, вознесенные до небес, украшенные каменным и деревянным кружевом дома и храмы, а потом рядом с Севером и остолбенелой гостьей пошли неспешно и соплеменники его – все в одеяниях ясных, чистых, прохладных оттенков, с тем выражением самоуглубленного внимания на лицах, которые дома чудилось Северу плохо скрытой гордыней, а здесь показалось всего лишь подчеркнутой сдержанностью.

А мимо шли его друзья и знакомые, кивали друг другу, обменивались приветственными жестами, и Северу мнилось, что оттуда, из дальних далей запредельных, они приветствуют его, только его!.. Он не сдержал улыбки, когда увидел Нинну, и не смог не махнуть дружески себе самому, Северу, одетому в повседневную форму звездoproходцев: серебристо-голубую кольчугу, отчего светлые и прозрачные глаза его принимали холодновато-голубой оттенок. На плечах поблескивали золотые стрелы.

И в этот миг взор Севера упал на спасенную гостью, неподвижно стоявшую среди этого шествия дорогих его сердцу призраков.

Он спохватился: зря, пожалуй, обрушил на нее так сразу мир Горита во всем его великолепии и многолюдьи, она может еще сильнее напугаться. Но тут же заметил, что глаза ее полны вовсе не ужаса, а острого любопытства, и приветственный жест, который он послал призраку себя самого, не ускользнул от ее внимания...

...Ох, великий, великий же волхв этот Лиховид, коль чудные, самоцветные земли скатал, яблочком обратил и с собою носит. А небеса там голубые, и Тур-солнце столь же ярко горит, как здесь, и деревья роняют прохладную тень. А избы-то у них!.. Высоки – до самых облаков.

Но пуще всего поразили Зорянку сородичи Лиховида. Конечно, сородичи! Чего ж ради стал бы он в чудодейное яблочко чужинскую сторонку закатывать, с собою возить? Это Зорянка тотчас смекнула. Правда, страшилищ да чудищ, Лиховиду подобных, она в том царстве не сыскала, но отчего-то знакомой показались стать и повадка светлообразного молодца, которому приветно махнул Лиховид...

Знала Зорянка: коли ясной, лунной ночью поглядишь в чистую воду Белоомута, долго еще гладь его будет хранить твое отражение. До тех пор, пока не замутит воду кто-то другой. Тогда новое отражение будет жить в Белоомуте... потом и другое, и другое. Не так ли и здесь? Не хранится ли в наливном яблочке отражение сородичей Лиховида – и его самого, только без этой вот поганой личины?

Э, какой ни есть этот Лиховид, выходит, сыскался и ему супостат лютый. За что, за какие провинности или за какие доблести обратил он молодца-чужеземщину злой образиной, этакую жуть напустил? Ох, бедный, бедный Лиховид...

Зорянка глядела, глядела на него, и не ужас буйный, а тихий, тайный страх – священный, как тот, что испытывала она лишь пред Белоомутом да еще пред дедовскими волхованиями, – входил в ее сердце. Наверное, вот так, затаенно-покорно, глядит всякий, даже самый дикий зверь на человека, пораженный его обличем, его богоподобием. Так же и она смотрела на Лиховида, пытаясь разглядеть за страшной шкурой черты божества. И не чудище он, значит, а дух чудес?

«Он из рода богов! – мелькнула мысль. – Какое счастье! Но как выручить его, как помочь вновь молодцем скинуться?.. Ох, знаю! Знаю!»

...Север даже поежился от ее пристального взора. Торопливо закрутил кассету по столу, сворачивая имитограмму.

Дрогнули, поплыли в золотисто-голубоватом небе остроконечные башни, заколебались фигуры людей.

Гостья всплеснула руками, провожая взглядом последние призраки Горита, тающие, словно дым, а потом вдруг жалость отобразилась на лице ее. Торопливо приблизившись к Северу, девушка сорвала с себя еще влажные лохмотья... и навзничь простерлась у ног Севера.

– Переведайся со мною! – сказала она, моляще глядя на него снизу, и смежила ресницы.

Север так и обмер. Почему-то прежде всего его поразило это словечко «переведайся» с его корневой основой, находящейся в несомненном родстве с «Ведами» – великим эпосом Ирия: само по себе важное доказательство того, что Первые были здесь!.. Но не от этого захватило дух. Вяло бродили в голове мысли о каком-то еще обряде, свидетелем которому он стал сейчас, и не сразу пробились догадка, что гостья призывает его к страстным забавам.

Почему-то когда он смотрел на нее, покорно лежащую вот так, вспомнилось вдруг видение цветка-Солнца, плывущего по небесным волнам, и Север ощутил голод и жажду – но не гортанью, не нутром, а словно бы всем телом своим.

Он многое унаследовал от Старого Севера (недаром один из Северов был избранником прекрасной Кибелии, еще до того, как та в составе Первой Экспедиции отправилась на Землю) и был искушен в тайных обрядах: в совершенстве умел исполнять все двести танцев Тантрары, знал все правила, предписанные для того, чтобы раззадорить женщину. Но она, эта незнакомка, спасенная им... она вела себя так, словно ни ее, ни его не надо разогревать неукоснительным и порою надоедливym соблюдением ритуала. Она словно бы сразу готова принять его в объятия! Но разве... так бывает? Разве такое возможно?!

От смущения Север шевельнуться не мог. Стоял столбом, мучительно ощущая свои пересохшие губы, и чудилось, что ему стало вдруг тесно в скафандре. Он обежал взглядом приборы, словно ища спасения у этих молчаливых и безучастных свидетелей его конфуза, и машинально отметил, что на карте зафиксировано свечение нового солнца в созвездии Двух Птиц.

Девушка между тем выжидательно приоткрыла один глаз и, словно угадав его состояние, поднялась, прикрываясь длинными, тяжелыми прядями своих волос цвета увядшей травы.

– Иль боги в небесах не любятя? – просила она обиженно. – Неужели не ведаешь, что к чему?

Север пожал плечами.

Девушка повернулась к нему боком, прикрываясь рукой. Ее грудь мягко мерцала меж тонких пальцев. Другой рукой она попыталась завернуться в свои еще непросохшие лохмотья, и губы ее при этом брезгливо изогнулись.

Тогда Север, наконец, одолел свое омертвелое изумление, поняв, как можно завоевать приязнь гостьи! Словно бы заранее знали те, кто снаряжал его в дальний путь, что придет миг, когда все припасенное понадобится.

Наряды! Одевания! Украшения! Вот чем можно завоевать ее доверие!

Женщины – везде и всюду женщины, и, понятно, гостья его сразу сообразила, как упрямиться с тонким голубым платьем.

Правда, оно закрыло ее ноги до самых пят, и девушка растерянно приподняла подол. Север понял ее замешательство: трудно бегать по лесу будет! Он заглянул в нишу, но ничего подходящего не увидел, кроме двух поясов своей собственной формы: одного кожаного, с ножами, и другого – богато вышитого, чисто декоративного знака отличия. Конечно, не дело нарушать форму, но девушка сделалась вдруг такой печальной, что он без раздумий протянул ей широкую расшитую ленту.

Ее лицо загорелось восхищением.

– И еще подпоясь узорчатая!.. – самозабвенно прошептала она, озаряя Севера благодарным взглядом, а он внезапно подумал, что она прекрасна и там, на Ирии, могла бы сравниться даже и с Нинной... нет, пожалуй, сравнение было бы не в пользу Нинны!..

Но, кажется, решил Север, уже пора знакомиться.

– Как твое имя?

Наверное, он правильно произносил все слова, потому что девушка взглянула спокойно и доверчиво:

– Среди людей – Меда.

Север озадачился: а где ж еще может у нее быть имя, как не среди людей?!

– А твое имя – Лиховид? – спросила девушка.

– Нет, Север.

– О, так вот ты откуда! Из зимних краев!

– Почему это?

– За лесом лежит страна Солнца, – серьезно глядя прозрачными серыми глазами, пояснила она. – А за нею Зимняя держава. Там живут злые духи: по полям, по лесам скачут, пятками по мерзлой земле стучат-трещат, в кулак дуют, мороз выдувают. Летит тот мороз от Зимних краев до наших, а как долетит, время сна настает: лист с деревьев падает, птицы улетают, да и люди, подобно медведям, спят под снегом до тепла. Разве ты не оттуда? А я подумала, там северяки и живут... И что ж, волей, неволей ты здесь?

– Нет, – покачал головой Север, – нет, завела меня сюда неволя.

Он задумался было, а потом переключил звездную карту на верхний экран, чтобы ей было привычнее воспринимать картину неба.

– Я во-он с тех небес, где семь звезд воедино стоят, – пытался объяснить он ей азы космонавигации. – Это называется Созвездие Видений.

Она так и ахнула, прижав ладони к щекам:

– Видений?! То есть снов? Так значит, ты – только лишь сон? Тогда я не хочу просыпаться!

* * *

Нецый тайлся в кустах, окружавших поляну, и терпеливо смотрел на эту диковинную избу; что выросла здесь в одночасье, скорее, чем гриб вырастает после дождя. Не иначе вседей могучий бабуны¹ навел! Поглядеть бы на него! Нецый будет стеречь хоть до утра, подобно шишу-лазутчику, но дождется, увидит, кто...

Он не успел додумать. Дверь избы бесшумно отворилась, и на пороге очутилась Меда.

– Хитер узор! – даже присвистнул Нецый.

Живая?! Неужто почудилось ему, что чудище лесное выволокло ее из Обимура перепончатой лапой и тут же растерзало без остатка? Да и она ль это – в одеянии невиданном?..

Нецый насторожился.

Порог избы, на котором стояла Меда, был поднят высоко, в человеческий рост, над поляной. Меда то окидывала лес смеющимся взглядом, то поигрывала чем-то округлым – не то чудесным плодом, не то золотисто-зеленоватым камнем. Порою она оглядывалась, словно там, в этой странной избе, тайлся некто, с кем она никак не могла распрощаться. Нецый так никого и не мог рассмотреть, но вот то, что Меда держала в руках, он сразу узнал.

Ведь он уже видел эти гладкие камни! И не раз! Они лежат в дуплинах стен там, в Обиталище Уснувших!.. Нецый иногда подходил к ним, разглядывал, но ни разу у него не хватило храбрости притронуться хоть к одному из камней. А Меда... ишь ты! Неужто ей ведомо, что это? Но откуда ей знать? А если она нашла вход в Обиталище?..

Холодом проняло Нецья. Страх, злоба, желание опрометью кинуться в пещеру и в то же время поглядеть, что будет дальше, кружились в его голове и жалили, словно осятки. Но он не двигался с места: Меда могла его заметить. Приходилось покориться ожиданию.

Однако ждать пришлось недолго.

---

¹ Чары, колдовство (*старин.*).

Меда вдруг поднялась на цыпочки, вскинула руки, вытянулась – и затанцевала, быстро перебирая ногами, на самом краю порожка. Чудилось, она вот-вот сорвется, упадет. И хотя Нецый понимал, что не упадет, он, как всегда, проглядел миг, когда Меда сошла в пустоту и, все так же пританцовывала, двинулась по воздуху вниз, на поляну. Чудилось, она идет по скользкой дорожке.

Нецый со злой досадой закусил прядь своих жестких черных волос.

Коснувшись земли, Меда обернулась и помахала рукой, а ей в ответ прощально махнул с порога избушки... Нецый почувствовал, как удушье сжало его горло... на пороге стоял один из Уснувших!

Нецый не верил глазам.

Ужас леденил сердце, однако новая догадка показалась куда страшнее. Нецый даже не решился предаться этой мысли, отогнал ее. Понял, что надо скорее бежать в пещеру!..

Тем временем Меда, еще раз прощально махнув хозяину избы, стремглав бросилась через поляну. Чем скорее она бежала, тем выше взлетали над землей ее ноги, и последние шаги были уже над вершинами деревьев. Она едва касалась их ногами, словно нес ее самый сильный поветер, и даже легкие ветки не гнулись под ней, будто она обратилась если не птицей, так проворной веверицей.

Всякий раз, как Нецый видел это, он бесился от немочи: ему-то не дано воспарять над землей, хоть и искушен он во всевозможных лукавствах и кудесах!

Он проследил завистливым взором стремительный лёт Меды и понял, что она спешит к жилищу своего деда. В иное время Нецый не преминул бы последовать за девушкой и украдкой припасть оком к зловолхвованьям старого Валуна, однако нынче ему никак не угнаться за Медой, да и не до того, не до того! Надо спешить в Обиталище.

Чудище, Похожее На Уснувших, так и стояло на пороге, глядя, как уносится Меда по ветвям, и Нецый, которому невольному было ожидание, осторожно пополз, вжимаясь в землю и обдираясь о кустарник. Очутившись от поляны подальше, он вскочил и ударился в бег.

Нецый наткнулся на Обиталище Уснувших после того, как Обимур разлился по весне и размыл один из курганов на опушке леса. Такое случалось и ранее, ибо курганы во множестве насыпаны были на грани леса и степи, и тогда обнажались истлевшие кости и сверкали украшения, оружие, но никто и никогда не осмеливался тронуть того, что принадлежало ушедшим в дальние дали.

Этот же курган был совсем иным. И никто не знал о нем – кроме Нецыя.

Давно это было. С тех пор холода не раз и не два опутывали землю белой неподвижностью. И Нецый думал, что будет, если Уснувшие тоже когда-нибудь проснутся, как люди, звери и деревья по весне? Но нет, что-то не похоже, будто они могут хоть когда-нибудь проснуться, решил он со временем, ибо ничто не менялось в пещере, сколь бы ни отсутствовал Нецый. Толще становился слой пыли, заносимой ветром в щели между камнем, которым прикрывало вход в пещеру Нецый, и земляной стеной, и никогда не находил на нем Нецый чужих следов – только свои. Он уже уверился было, что единственный из всех неврах ведаёт тайну, но теперь подбирался к Обиталищу с особой осторожностью, словно на каждом шагу ожидал встречи с врагом.

Однако вокруг было тихо, никто не тронул кочек, прикрывающих тайный лаз в пещеру.

Нецый расшвырял их, потом сдвинул, натужась, камень, забрался внутрь лаза и снова нагромоздил за собою преграды.

Он полз на четвереньках по тесному подземному ходу, пока впереди не забрезжил совсем слабый свет и лаз не расширился. Нецый смог подняться. Он прошел несколько шагов, протиснулся мимо косо стоявшей каменной плиты (прежде, как догадывался Нецый, она плотно

закрывала вход, пока земные слои не подмыла взбушевавшаяся вода) и наконец вступил в Обиталище Уснувших.

Достало одного беглого взгляда, чтобы понять: чужих здесь не было, Хвала богам! Все на месте. В дуплеватых стенах лежат золотистые камни, их не стало меньше с прошлого раза. С потолка, из прозрачных белых гроздьев, лился холодный, подобный лунному свет, а в глубине пещеры, на своих лежанках, по-прежнему покоились Уснувшие, и тускло поблескивали серебряные стрелы на их плечах, и темнело вдали, за их спинами, какое-то пятно, на которое Нецый и глядеть-то было жутко, не то что приближаться к нему! Чудилось, там еще один пролаз, но уже не в глубь земную, а куда-то дальше, дальше... Он не знал, не мог найти слов. В ночь, может быть? В вечную, непроглядную ночь!

Даже подумать об этом страшно!

Уснувших было трое. Нет, никто из них не проснулся, не встал, не пустился бродить по лесу, подобно шатуну.

Нецый перевел дух. Он не раз бывал здесь и уже по привычке к теням, вселяющим страх. Привык даже к тому, что спертый воздух давит, гнетет. Он не мог оставаться в Обиталище подолгу – веки тяжелели, голова клонила, хотелось улечься прямо на пол, у ног Уснувших, и тоже уснуть – навек. Но было что-то, разгоняющее страх и морок. Не слухом, а словно бы всем телом, всем трепетом крови Нецый улавливал в тишине некий звук. Чувал его! Сперва именно это звучащее беззвучие пугало, но вскоре Нецый по привычке.

Однако нынче он что-то никак не мог успокоиться. Чья-то стылая лапа так и прохаживалась по спине, нагоняя дрожь. Тайный, тихий ужас не покидал Нецый, и вдруг он понял, почему! Вернулся тот самый вопрос, что поразил его еще в лесу – страшный вопрос, от которого Нецый сначала отмахивался, но больше не мог.

Коли все Уснувшие на месте, в своем Обиталище, откуда же взялся в лесу тот пришелец?!

* * *

– Что припозднилась? – спросил внучку Валун.

Она помалкивала. Говорить не хотелось: ни о погасшем огне Подаги, ни об испытании Рекой – дед взъярился бы не в шутку, а Зорянка не хотела, чтобы он ссорился с односельчанами. Тем паче опасно было говорить про Лиховида. И она отшутилась:

– На березках ветви развивала, что девки заплели. Больно небось деревьям!

Несколько дней назад Зорянка и впрямь распутывала русальные венки – не только потому, чтобы облегчить страдания берез, но и чтоб оберечь подруг от лесного проклятия: озлившись, березы могли обратить глупых девок в русалок, обреченных с той поры каждое лето качаться на ими же заплетенных березовых ветвях. Так что она почти не солгала.

Но Валун лишь усмехнулся, и они опять долго молчали, пока она не сказала, чтобы упредить новый вопрос:

– Дед, а как природный колдун на свет нарождается?

Валун, отрезая сукрой от каравая, глянул из-под серых нависших бровей:

– Иль не знаешь? Девка родит девку, эта принесет третью, и тот, кто от нее народится, может на возрасте сделаться колдуном, а девка – колдовкой.

– Что ж, знать, коль у меня дитя будет, оно сможет твои чары перенять? Я же третья девка?

– И до тебя три были, – усмехнулся Валун, – да и разве ты чарами не владеешь? Мало ль я тебе открыл? Только тебе все шутки! Могла бы знаткой знать, коли не пошла б старухе Подаге служить. И к чему это? До добра ль довелось?

Внучка едва не подавилась. Он что же, знает?! Дед же продолжал как ни в чем не бывало:

– А с чего это ты вдруг про дитя возговорила? Иль нашла, наконец, себе по сердцу? А, Зорянка?

Она лишь улыбнулась в ответ. Этим ласковым именем называл ее только дед. Еще раньше – матушка, да она померла. А теперь – один дед. Но даже и Валун никогда не произносил еще одного ее имени... Ведь у всякого невра их три. Всем известное – одно для людей, земное. Люди зовут ее Меда. Два другие – заповедные. Есть имя для чародейных таинств. Даже если сам человек Чарой не владеет или опасается ее, это имя может оберечь его от злых кудес – или навлечь их на него. Мало кому из чужих оно ведомо. Вот ведь вряд ли остался на земле кто-то, знающий, что потайное, чародейное имя ее деда – Атей: древнее имя племенных вождей, ведущих свой род от богов. Но это не все. Нарцается еще и третье имя, которое никому и никогда не ведено произносить вслух. Только богам и духам. С ним, заповедным, человек уплывает по Обимуру в своей последней лодии, в свой последний путь; его он назовет Хорсту, охраняющему врата в заоблачный, небесный Ирий-сад...

Эти потайные имена, чудилось, словно те два духа, которые с самого рождения приставлены к человеку: один, добрый и светлый, – за правым плечом, другой, темный, – за левым...

Есть и у Меды-Зорянки темное, заветное имя. Оно иногда видится ей во снах. И себя тогда видит она – на небесах, совсем иной, чем здесь, на земле, и люди рядом иные. Но вот чудеса: почему-то мерещится, что среди тех неведомых людей встречала она во сне и Лиховида с тайным именем Север...

Есть не хотелось. Хотелось поскорее выйти из малой, скособоченной дедовой избенки, где сушились под потолком наговорные коренья и былье, а в углу возился, шепая лучину, дедов Домовушка, хотелось чем-то заняться, чтобы дед, наконец, оторвал от нее всевидящий «взор своих нестареющих» темных очей.

– Иль нашла себе по сердцу? – повторил он сурово.

– Матушка моя, вечерняя звезда! – воззвала Зорянка, словно бы в сердцах. – Нашла, нашла! По небу он прилетел! Четыре коня его колесницы – словно дикие гуси быстры, легки они, словно четыре крыла!..

Зорянка болтала, что в голову взбредет, только б дед отстал, решил, что она шутит.

– Да, – кивнул Атей, – а крепость у него вся огненная, на колесах, и кругом себя вертится, у Лиховида сего?

Теперь уж Зорянка воззрилась на него. Мыслимо ль скрыть хоть что-то?! Но глаза деда потеплели.

– Ишь ты... по виду девка-смирена! А сама лукавая, что ходун-трясина! Ну что ж, ведь ты в ту звезду родилась, коя многие чудеса сулит.

«Он что-то знает! – уверилась Зорянка. – Знает про Лиховида. Спросить? Ох, страшно!.. О боги, ведающие судьбы! Неужто и впрямь прилетел он со звезд в огненной крепости?!»

Девушка выглянула из избы. Вечерняя заря пылала. Где-то в вышине, в этих золотых и алых облачных дворцах, живут боги: великий громовержец Род, старая-престарая Подага, розоволикая Зимцерла, Тур, Чернобог, Лада... Множество их – больше чем дней в году. И теперь к их сонму прибавился еще один!

Там, в своей диковинной избе, он подарил Зорянке одно из наливных яблочек, в кои запрятаны чудесные земли. Вот бы сейчас крутануть то яблочко по столу, чтоб дедкино жилище наполнили сородичи Лиховида! А вдруг снова удастся увидеть глаза его небесной синевы?..

– Пора, внука, – раздался тихий голос Атея, и Зорянка вздрогнула.

Пора, да. Дед уже изготовился в путь. В руках посох – вот и вся справа. А Зорянке и вовсе ничего не нужно: иди рядом да примечай, примечай за дедом.

Она поискала глазами, куда спрятать заветное яблоко.

– Домовушке отдай, – посоветовал дед. – Он схоронит.

Зорянка не решилась сказать, откуда яблочко. А вдруг окажется, что Атей и про это знает? Страшно такого всеведения!

Домовушка выпаивал теплым молоком занемогшего козленка. Поднял к Зорянке свое поросшее седым волосом доброе лицо, успокоил улыбкой: не бойся, мол, сберегу твою забаву.

Голоса его Зорянка сроду не слышала, но дед как-то умел с ним объясниться. Приблизился Домовушка неведомо откуда: человек не человек, зверушка не зверушка, он походил чем-то на Шишка и Подкустовника, только имел сивую бороду, а не зеленую и, не умел увеличиваться в росте, был всегда мал. словно обрубок или кряж.

Домовушка прижился у Атея, помогал в немудрящем хозяйстве. С тех пор, как он появился, хлопот Зорянке поубавилось. Работа в мягких руках Домовушки горела, во всем была спорина, а уж чистоту блюл он такую, что обиженные пауки и тараканы запечные вовсе ушли прочь. Зорянку Домовушка жаловал и привечал, как и она его. Поэтому сейчас она с легким сердцем отдала ему заветное яблочко и вышла вслед за дедом в гаснущие сумерки.

Едва отошли от избенки и ветви деревьев сомкнулись над ними, как настала ночь. Там, и вышине, небо было чисто и светло, все в звездах, а здесь, в шатре лесном, царил тьма, и всякое дерево пело во мраке на свой голос.

Заунывно скрипели сосны да ели – столь надсадно, что у Зорянки саднило, ныло сердце. Как ни любила она лес, ночные стоны сосен ужасали ее. Чувствовала себя крошечной, жалкой, одинокой, а ночь была бесконечной, непобедимой, в ней отворялись мрачные, темные бездны...

А может, природа лишь отзывалась, словно эхо – или некое живое существо, – на то смятение, кое царило в душе Зорянки?..

Она цеплялась за деда, а тот все шел и шел, не ведая ни страха, ни усталости, и его посох слабо мерцал во тьме.

Но вот наконец они перевалили угор, пройдя бор насквозь, и слух наполнился ровным, широким гулом – это шумели под ветром березы и дубы. Зорянка облегченно перевела дух и осмелилась спросить деда, скоро ли дойдут до места.

Но не успел он ответить, как его посох засветился, загорелся, словно жаркий уголь, и, вырвавшись из старческой длани, ткнулся в землю с такой силой, что она отозвалась протяжным звоном.

Посох светился так ярко, что рассеивал тьму, и Зорянка разглядела, как выбиваются струи воды из бездны земной.

Она присела и, зачерпнув воды ладошкой, пригубила.

Вода, чудилось, хранила в себе память обо всех глубинах, из коих она изверглась, запах и привкус древесных корней и рудных жил, пронзавших земную толщу. Губы Зорянки стыли от холода, душу ее леденил священный страх.

Этот посох... Посох Атея – наследство далеких прадедов, которые испокон веков находили с его помощью целебные источники и рудные залежи. На разработки приходили из-за дальних далей молчаливые, угрюмые жители гор, рудокопы, и взамен приносили неврам, лесным жителям, железные наконечники для стрел и копий, топоры, кирки, самоцветные камни. Целебную воду кочевники, которые поклонялись великой Табиты, увозили в бурдюках куда-то далеко, может быть, на край света, а оттуда приводили выносливых коней, привозили богатые ткани, соль и всякий ходовой товар.

Старого Валуна хоть и почитали в селении, но все же побаивались. Не знали, как ему удастся отыскивать источники иль руды. Никто и никогда не видал светящегося посоха – кроме Зорянки. И когда-нибудь это наследство предков – а может быть, и самих богов! – перейдет в ее руки, обрекая на вечное отчуждение и почтение людей. Но это когда еще случится! Дед хоть и стар, но крепок. Она называла его дедом, потому что Атей взрастил и матушку ее, и саму Зорянку, но кто знает наверняка об их родстве? Никто... Да и зачем, кому это надобно?

Они поместили заветное место вешками и двинулись дальше. До утра было еще далеко.

* * *

Север улегся рано, однако спал плохо. Почему-то все время казалось, что вдруг да вернется Меда, и он боялся проспать ее появление. Сквозь зыбкую дрему Север думал, можно ли считать, что Контакт осуществлен, если он отверг ее женские призывы, но, кажется, сумел все же подружиться с ней. Да и не обольщался он насчет словца «переведайся» и той сцены, от воспоминаний о которой и по ее пору дрожь пробирала. Наверное, это было что-то вроде попытки жертвоприношения – ничего более. Пожалуй, она приняла его за бога!

Забывая сном и увидел, как Меда летит над деревьями, и ветер бьется в переливах голубых просторных одежд. Первые Дальнепроходцы, прибывшие сюда с Ирия, лишены были умения летать. Это благоприобретено их потомками, это чудо! Но до чего же странные превращения претерпела способность жителей Ирия к возрождениям. Зимняя спячка! Недалеко уйдет человечество, если большую часть жизни будет проводить во сне!.. Он улыбнулся сквозь дрему... и внезапно тоненькая иголочка вонзилась в мозг.

Сердце затрепетало.

Север вскочил и бросился к пульта. На экране чуть заметно вспыхивали тусклые зеленые огоньки. Приемник издавал тот самый еле уловимый писк, который только что разбудил Севера.

Это было невероятно. Еще более невероятно, чем все приключения минувшего дня, чем Контакт! А когда Север разглядел еще и оранжевую черточку, слабо мерцающую в углу экрана, то принужден был сесть – ноги подкосились.

Невозможно, немыслимо! Сколько времени кружился по орбитальному коридору, пока не убедился в догадках, высказываемых еще там, на Ирии: от Первых не осталось следов, маяки наверняка разрушены. Именно потому его посадка и была столь тяжелой, что он садился вслепую. Ничего не ждал, ни на что уже не надеялся, и вот теперь... сразу два сигнала! Сразу два!

Он потерял драгоценные мгновения, включая дрожащими руками пеленгатор, и оранжевая ниточка успела исчезнуть с экрана. Но зеленый скачущий огонек удалось засечь, и остаток ночи Север провел у пульта, пытаясь определиться на местности.

Почему-то по карте выходило, что этот маяк не стоит на одном месте, а блуждает по своему сектору. Север с любопытством следил его передвижение; огонек то сиял, подобно звезде, то еле виднелся, пока не забрезжил рассвет, и огонек, вернувшись в исходную точку, не погас.

Все это было весьма странным. Похоже, маяк попал кому-то в руки... кому-то, кто едва ли подозревает о его истинном назначении.

Не было бы худа! Не было бы худа тому, кто владеет маяком. Но как отыскать этого человека? То есть Север хотел верить, что это человек, а не какое-то жуткое существо, вроде тех, что вчера преследовали его в лесу. Наверное, лучше всего будет обойти участок, где отмечалась работа маяка. А на случай, если он опять подаст сигнал, оставить включенным пеленгатор и фиксирующие устройства.

А вдруг придет Меда? Что-то подсказывало: скоро они встретятся вновь! Внезапно захотелось махнуть рукой на нежданно проснувшийся маяк и остаться на «Инде», ждать ее.

Но нет, это не дело. Контакт Контакт, но это не значит, что ради него можно забыть о других заботах.

Да, но если она все же придет? На этот случай Север решил разблокировать механизм засовов: если Меда решит подняться, сработают трамплин и фотоэлемент. Ей останется лишь подождать возвращения Севера. Но с чего это он вообще взял, что она придет?!

Север пошел было к скафандру, но покачал головой: неохота таскать на себе эту тяжесть! И зачем? Все пробы, все анализы единодушны: нет опасности ни в воздухе, ни в воде, ни в

составе почвы. Он убеждал сам себя, не сознавая, что велико искушение предстать на этот раз перед Медой в своем обычном облике и поглядеть, признает ли она «Лиховида». Пристегнул к поясу оружие, съемочную камеру, походный пеленгатор – и отправился в путь.

* * *

Нецый ушел из Обители Уснувших задолго до рассвета. Он весь вымок в росе, пока добрался до поляны, где стояла разлапая изба пришлеца, и затаился там, где уже лежал вчера.

Он устал. По пути сюда, еще ночью, не утратил дойти и до скрещенья дорог, и там...

Нецый помотал головой – вспоминать о том, что там делал, не хотелось. Да и не видел он еще, как же исхитриться содейть то чаробесие, за коим ходил ночью на нечистое место.

Пощупал туго набитый заплочный мешок. Там что-то завозилось, заворочалось, и Нецый ткнул мягкий мешок кулаком. Возня тотчас стихла.

Лес звенел птичьими голосами. Солнце испило росу, трава стала сухой и жесткой. Воцарилось жаркое бездождие. А из избышки никто не появлялся.

Может, там и нет никого? Разве не мог хозяин уйти раньше, чем – появился Нецый? А он тут лежит, трясется, что твой заяц!

Наконец, сперва бочком, робея, Нецый напустился ступить на поляну. И ничего, гром не грянул с небес, не выскочило чудище, не кинулось на незваного гостя...

Нецый обошел кругом жилища пришлеца, прикидывая, как бы изловчиться и долезть до высокой двери.

– Злая изба! – бормотал он. – Не иначе, на болоте рублена, по сырому бору катана, на лютых зверях вожена, на проклятом месте ставлена.

И не видать ни лесенки, ни приступочки! Вскарabкаться разве по птичьей ноге? Оно бы можно, да не заграбастает ли его острый коготь... не разорвет ли в клочки?

От такой догадки жаром проняло Нецья, он попятился от страшной, когтистой лапищи, как вдруг... земля под его ногами дрогнула, вздыбилась – и неведомая сила, высоко подкинув Нецья, зашвырнула его чрез внезапно отворившуюся дверь прямехонько на середину чужой избы, клацнув за спиной – будто острыми зубьями!

Нескорое время миновало, пока Нецый сыскал в себе крошки храбрости и решился оглядеться.

Здесь все очень напоминало Обиталище Уснувших! Только там, в пещере, столы да лавки, тоже срубленные из железного дерева, были покрыты пылью, стекло темно мерцало, а здесь все блестело. Как-то раз торговцы-кочевники показали Нецью осколки драгоценного стеклянного сосуда, который везли в обмен на целебную воду, да побили в тряске. Но стекло, принадлежавшее Уснувшим, было совсем иным. Хоть топором бей его – не разобьешь, Нецый пробовал.

Но где же дупла с прозрачными камнями? Иль их здесь «нет»?

Нецый задумчиво стукнул в стену, но она внезапно отъехала в сторону, и пред взором ошолбенелого гостя открылось темное углубление, в котором... в котором затаился один из Уснувших. Тот самый, кого Нецый видел вчера! И стрелы золотые сверкают на плечах!

Затаился. Подстерегает... Зачем только было соваться сюда на соблазн и погибель?!

С воплем отпрянув, Нецый с размаху сел на круглую лавку. Та завертелась. Он свалился – и навзничь грянулся об пол. Под тяжестью его тела туго набитый заплочный мешок лопнул.

Сонм бабочек и рой мух закружился над беспомощно простертым Нецьем! Запрыгали из мешка жабы, поползли ужи, ежи. Сильно запахло сырой, прелой гнилью.

Бабочка с тусклыми, серыми крылышками затрепетала над самым лицом Нецья, и пыльца, похожая на прах, посыпалась, ему на губы.

Яростно отплевываясь, он смахнул бабочку и, разогнав устремившихся к нему ужей, кинулся к дверям. Те послушно распахнулись, едва он приблизился, и Нецый вывалился за порог, уже в полете вспомнив, что у этой избы нет лесенки.

Однако против ожидания приземлился он мягко, на четвереньки, будто земля подставила ему ладони.

Вскинул гудящую голову, глянул вверх.

Нет, Уснувший не кидался вослед, двери вновь сомкнулись, и Нецый облегченно смежил веки... Но тут же вскочил и, топоча на месте, взмахивая руками, завопил что было мочи:

– Хвори злые, лихие, лютые! Ослепите чужеземщину, черные, белые, воронные, голубые, карие, красные очи его! Раздуйте его утробу толще угольной ямы, засушите его тело меньше луговой травы, уморите его скорее мухи осенней!.. И опрометью кинулся прочь, в заросли.

* * *

Ну и уходились они с дедом! Зорянка ног не чувала, когда наконец Атей повел ее из лесу. А ему словно бы все нипочем: шагает медленно да ровно, будто и не ночь минула, а час.

В вышине таяли звезды. Зорянка приостановилась, вспомнив, как Лиховид уверял ее, будто там, средь далеких небесных свечек, его родина.

Атей ушел вперед, а Зорянка все стояла, подняв глаза к небу. Ее слегка пошатывало от усталости, голова кружилась, кружилась... Зорянку словно бы несла мягкая, мерная волна.

Там, там высоко – безмерное, неоглядное поле, над коим летают, будто незримые птицы, мысли и желанья тех, кто живет здесь, в лесу, и на горах, и в степи, и в Дивьей земле, и в Залесской стране. Но, наверное, так же выются над тем полем и невидимые птицы-мысли сородичей Лиховидовых? Да вот беда: очень уж пугливы птицы, норовят не встречаться друг с другом, а потому никому не дано изведать тайные чаяния и мысли другого человека, тем паче – чужеземщины...

Эта догадка так опечалила Зорянку, что она вовсе обессилела. Прощально махнув деду, крикнула, чтобы шел, а сама прилегла где стояла, под ракитовым кустом. Но долго еще дрема не могла подступиться к ней, потому что Зорянка развязала дареную узорчатую опояску и прильнула к ней щекой, ни о чем не думая, только лишь о том, как бы увидеть Лиховида. И пусть он тоже возжелает ее повидать, пусть!..

Слышали ее небеса, да звезды, да трава-мурава:

– Ой вы ветры буйные, распорите его белу грудь, откройте ретиво сердце, навеить тоску со кручиною, и ничем бы не смог он отговориться: ни заговором, ни приговором, ни светом ночным, ни лучом дневным. И как я к траве-мураве льну, так бы и он ко мне крепко льнул во сне и наяву, в день и полудень, в ночь и полуночь, при частых – звездах и буйных ветрах. Раньше пороги обимурские пылью разлетятся, чем тоска его от меня остудится!

Ни с того ни с сего слезы навернулись на глаза. Столько жалко вдруг себя сделалось: лежит в чистом полюшке под кусточком, уж и заря в небо выходит... а он, обаянный чужедальный, поди и думать о ней забыл!

Так и сморилась она в слезах, когда почти рассвело, а пробудилась – солнце уже катилось на закат. Целый день проспала! Разбудила девушку непонятная тревога, что жгла как крапива. Сердце томилось...

Зорянка торопливо искупалась в ближнем бочажке, смыла остатки дремы, но тревогу смыть не удалось.

Прислушалась к себе.

Лиховид... да, с ним что-то недоброе. Бежать к его избе? Нет... почему-то ее неудержимо тянуло в селение. Верно, туда он пришел. Не обидели ль его там.

Надо скорее!.. Но тоска гнула к земле, не давала взлететь. Зорянка бегом ворвалась в лесной шатер, свистнула – и тут же рядом очутился серый волк порыскачливый.

– Сослужи службу, зверячко!

Поддернув повыше платье, Зорянка вскочила на волка верхом, стиснула коленями поджарые его бока – и тотчас зеленый ветер ударил ей в лицо.

* * *

Север не нашел ничего, ничего!.. Тихая ярость жгла душу. Словно бы нарочно подшутил кто, надсмеялся. Совсем отдалиться злобе на этого кого-то мешала только твердая уверенность, что на экране он видел именно сиянье маяков. Сымитировать их невозможно. Ничто, кроме них, не могло быть уловлено специально настроенными приборами.

Ну что же. Надо смириться. И заново – уже засветло – обшарить сектор, откуда подавались сигналы, а если снова постигнет неудача – ждать. И делать свое дело.

Но вот что чудно. Стоило Северу внушить себе, что необходимо запастись терпением, как его охватило страшное нетерпение! Ноги против воли пускались в бег. Он помчался по лесу, еле успевая отстранять от лица ветки, словно бы на чей-то настойчивый зов.

Да что такое? Куда он стремится, влекомый неодолимым желанием вновь увидеть Меду?

«Ты что? Стой!» – беззвучно приказывал он себе.

– Стой, Север! – молил вслух, словно кого-то чужого, – нет, напрасно.

Пытаясь сориентироваться, он приглядывался к местности, пока не понял: бежит туда, где увидел вчера на берегу странное игрище, центром которого была Меда.

В селение людей.

Он ожидал наткнуться на стражу, готовился что-то объяснить или даже защищаться. Но возле длинного и высокого заплота никого не оказалось.

Север походил вокруг, нашел приоткрытые ворота, протиснулся.

Множество голосов несло из-за приземистых, очень крепких изб. Север с разочарованием отметил, что его жилище куда непригляднее этих построек.

Он замедлил шаги и осторожно высунулся из-за стены. Там, на площади меж домов, лежала большая сухая колода. В ней было выдолблено углубление, а туда вставлено заостренное бревно, обвитое веревками, за которые с двух сторон тягали сильные, высокие мужчины, – так что бревно поворачивалось туда-сюда с мерным поскрипыванием.

Север машинально включил камеру, фиксируя эту сцену. В ней было что-то завораживающее!

Слаженные движения до пояса обнаженных, мускулистых, блестящих от пота тел.

Резкое, рваное «И-эх!» сквозь зубы.

Ритмичные взлеты длинных темных и светлых волос.

Затаившие дыхание дети, женщины.

И скрип дерева, в котором таилось нечто грозное.

Священнодействие!..

«Что же это они делают?» – недоумевал Север, и, словно отвечая ему и подбадривая мужчин, женщины завели протяжным хором:

– О Подага! Подага!

Подага! Помилуй нас!

Подай огня!

Огонь! Родись, живой огонь!

Родись!

Север едва не рассмеялся. Столько суеты из-за какого-то огня! Он выхватил из-за пояса искрил и коротким одиночным залпом ударил туда, где бревно соприкасалось с долбленой колодой.

Ух как полыхнуло! Как отпрянули от внезапного костра не то перепуганные, не то сверх меры обрадованные люди!

Кто пал на колени, вознося к небу благодарные молитвы. Кто лежал, уткнувшись в землю. А из толпы женщин вдруг выбежала одна и, приблизившись к Северу, склонилась пред ним в поклоне, а потом сняла свой пышный венок и увенчала им гостя.

«Меда!» – чуть не вскрикнул он радостно, да осекся: нет, не она. Другая девушка. Но тоже красавица!

Он смотрел на поднятое к нему прелестное личико с тонкими, словно ниточки, полукружьями бровей.

«Ух ты!» – подумал с удовольствием. Девушка медленно улыбнулась ему, не опуская глаз. Тем временем остальные мало-помалу пришли в себя, окружили Севера, шумели, толкались, трогали его одежду, оружие, смотрели приветливо, без злобы и страха. И не потому, что от Севера не могло исходить опасности. Север чувствовал, что эти люди просто-напросто неколбимо уверены с своей силе, а потому бесстрашны. И у него захватило дух от этого бесстрашия, от этой внезапной, радостной доброжелательности. Они спрашивали его имя и наперебой выкрикивали свои имена, и в широких улыбках, смеющихся глазах, богатырском развороте плеч этих Ретива и Хота, Окупа и Суда, Лаюна и Буча он видел, ему казалось, что он видит и узнает далекие, баснословно далекие лица, которые мог помнить Старый Север, а ему знакомые лишь по имитограммам и архивным портретам в Музее Звездоплавания: лица Тора и Памира, Словена и Крона, Гомера и Невра, всех других – Первых Звездопроходцев из группы «Род-1», растворивших кровь свою в крови Земли.

И только на одном лице он заметил выражение опаски, вражды, почти ненависти – на лице чернобородого и черноволосого, чей цепкий взгляд сразу приковался почему-то к золотым стрелам на плечах Севера...

А суматоха не утихла. В конце концов старый-престарый дед, имя которого оказалось Баюныч, сообщил уже немного утомившемуся бурной встречей Северу, что он свершил великий подвиг: низвел с небес священный огонь богини Подаги, подательницы всех земных благ, погибший было по нерадивости служительницы. Услуга, оказанная Севером, поистине бесценна, и люди жаждут вознаградить его как могут. Они предлагают ему остаться в селении, деля почести с племенными вождями, а чтобы не скучать, тут же, незамедлительно, выбрать в жены самую прекрасную из дев.

И молодые девушки, повинаясь знаку старика, предстали пред Севером, озаряя его светом серых, черных, зеленых, голубых, карих глаз.

От этого цветника милых лиц Север растерялся. Он вдруг с ужасом сообразил, что не помнит лица Меды... и даже если она тоже здесь, он не найдет ее. Мог бы узнать по голубому платью, да вдруг она переделалась?

Он ошалело водил взором по сторонам, и Баюныч, видя такое дело, пришел на помощь:

– А ты, гость дорогой, избери жену по-нашему, по-лесному. Вишь ты, все девки хороши, глаза разбегаются. Да вот сейчас они побегут – и ты за ними. Которую словишь, та и станет твоею пред очами богов.

Старик взял крутой рог и резко дунул. Раздался высокий трубный звук – и по этому сигналу рой девиц, только что окружавший Севера, рассеялся в единый миг.

Ну, не до такой степени, конечно, был он ошарашен происходящим, чтобы не заметить, как враз помрачнели лики молодых охотников, стоило Баюнычу сказать про выбор невесты. Да и столь мгновенное исчезновение девиц многое значило. Женщину ведь не поймашь, если она не захочет быть пойманной!

Но теперь большого выбора у Севера не было: в поле его зрения мелькала только одна фигурка, бежавшая очень легко и красиво, но более чем неторопливо.

Повинуясь неожиданно мощному толчку Баюнычевой длани, Север потрусил следом. Он бежал и обдумывал, как же теперь быть. Он вовсе не намерен стать почетным вождем племени, а тем более – взять себе жену. И хотя ему ничего не стоит догнать самую быстроногую из этих девчонок, тем более ту, которая и так еле движется, он не станет спешить. Пусть уж лучше прослышет здесь растяпой по женской части – найдется иной способ восстановить репутацию.

Пока вдали слышны были поощрительные крики, Север еще делал вид, что соблюдает правила игры, но скрывшись среди деревьев, постепенно перешел на шаг, вовсе не намереваясь кого бы то ни было догонять, и велико же было его изумление, когда из-за куста прямо на него выскочила какая-то девица и, запищав, проворно стала рядом, всем своим видом уверяя его, что он ее просто-таки загнал, сил убежать больше нет и она вся в его власти...

Увидев ее тоненькие брови, Север узнал ту, что первой приветствовала его.

– Меня зовут Зверина, – сказала она сладким голосом, – и я теперь твоя жена.

Север пожал плечами, думая, что в имени Зверина есть что-то неприятное и оно нравится ему куда меньше, чем имя Меда. А Зверина меж тем нетерпеливо поглядывала на него, то растягивая тесемки своего ворота, то теребя рукав его комбинезона.

– Я теперь твоя жена! – повторила она со значением, играя глазами, и Север начал догадываться, что от него требуют.

Он смущенно хмыкнул... и вдруг резкий порыв ветра ударил рядом с такой силой, что Зверину отбросило в сторону.

Все замелькало у него в глазах, и он не сразу сообразил, что между ним и Звериной очутилась девушка в голубом одеянии.

– Меда! – радостно крикнул Север. Как он мог сомневаться, как мог принять за нее другую!

Но Меда на него и не глянула. Она холодно, пристально смотрела на Зверину, и та отвечала ей ненавидящим взглядом.

– Ишь, заявилась! – прошипела наконец Зверина. – Нечисть тебя из реки спасла? Хитрющая! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит, одурачит, из воды суха выйдет: и видишь, и знаешь, да ни в чем ее не поймешь.

При этом она метала взоры в Севера, и тот сообразил, что ему перечисляют какие-то недостатки Меда. Правда, он мало что понял, но, очевидно, Меду все это задело, потому что, обиженно выкрикнув: «Слова твои что говор сороки!» – она вдруг метнулась вперед и закатила Зверине такую оплеуху, которая, по мнению Севера, непременно должна была сбить с ног нежную девушку.

Однако Зверина оказалась куда крепче! Она пошатнулась – и тут же вернула оплеуху Меде, при этом изо всех сил дернув ее за косу, в которую были небрежно заплетены длинные волосы цвета сухой травы.

И девушки закружились меж кустов и деревьев, то расходясь, то вдруг сближаясь и награждая друг дружку сильными ударами.

Север смотрел на них остолбенев, невольно отмечая, что это становится его привычным состоянием на Земле. Но какая нелепость – женщины дерутся из-за мужчины!.. Красавицы враз сделались ему одинаково неприятны. Жаль, что не отправил он сюда имита. Сейчас бы тот растаял бесследно к их вящей злобе!

Но вскоре Северу показалось, что он здесь уже и ни при чем. Несомненно, у Меда и Зверины были какие-то свои, давние счеты – слишком уж ярки и красивы были обе, чтобы по-доброму ужиться друг с другом.

Причем, начавшись как неприглядная драка, их сражение постепенно сделалось похожим на дикий, яростный, страстный танец.

Север невольно загляделся – Ему даже почудилось, что девы в своих стремительных движениях на миг принимают обличья каких-то диковинных зверей... или вдруг делались они неотличимы одна от другой, сливались в единое, само себя рвущее в клочки существо!

Они взлетали над землей, переворачивались, кружились в воздухе и, казалось, даже деревья поджигают свои ветви, чтобы не мешать... И внезапно босая нога Меды в невероятном взмахе угодила прямо в хорошенькое личико Зверины.

Полет сразу прекратился. Зверина звучно шлепнулась на землю, зажимая окровавленный носик. Рядом медленно опускалась Меда, и тут Зверина бросила на нее, потом на Севера ненавидящий взгляд, выкрикнула что-то непонятное, вроде:

– Уж я тебе не встаниху-то сотворю до скончания веку! – и хлопнув разбитым носом, бросилась прочь и скоро скрылась из виду.

Север догадался, что и он теперь удостоился ее ненависти. Но за что?!

Медя буйно расхохоталась вслед сопернице и обернулась к Северу. Ее лицо горело, храня выражение необузданной гордости. Но стоило глазам Меды встретиться со взглядом Севера, как жар схлынул. Теперь она глядела смиренно и даже со смущением.

А Север молчал. Не то чтобы он был рассержен... ну, всякое бывает, ладно, чего судить чужие обычаи, у каждой птички свои замашки. Нет, он просто не знал, что теперь делать. Медя чего-то ждала от него, а вот чего?

Она смотрела жалобно, исподлбья, словно хотела просить прощения, да не осмеливалась. Однако Север все молчал... и вдруг лицо Меды побелело, глаза сузились, и пламень прежней ярости полыхнул из-под ресниц – но теперь эта ярость была уже направлена против Севера! Холодок невольного ужаса пробежал по его спине...

– Ишь Зверина на тебя уже и впрямь ковы навела?! – презрительно выкрикнула Медя, а потом вдруг резко крутнулась на месте, громко свистнув при этом.

Голубым смерчем взвилось ее платье, захрились ветки, листья, трава... и Севера тоже завертело, закружило, подхватило, понесло куда-то, словно сухой листок на ветру... острые сучья впивались в тело, ветви больно били. Он с трудом сообразил, что это деревья – деревья! – перебрасывают его с одного на другое, кидают безо всякого бережения, чуть ли не зло. а если впереди маячит прогалина, то его еще и раскачивают, и только потом, с насмешливым поухиванием, швыряют, причем, летя на огромной высоте над полянами, он вовсе не был уверен, что следующее дерево успеет его подхватить!

И почему-то одно лишь тупое недоумение терзало его во время безумного лета: что ж это посулила свершить Зверина?..

Он был весь исхлестан, измучен, когда последний в этом ряду мучителей, огромный дуб, скинул его со своих узловатых ветвей на знакомой поляне, наградив на прощанье таким увесистым – и весьма унижительным! – шлепком, что Север полетел к «Инду», подобно сухой былинке.

Мелькнула мысль: а вдруг не откроется вход? Его же размажет по бронированной двери! Но, к счастью, фотоэлементы сработали, и двери разошлись, впусив его.

Он успел перевернуться, сгруппироваться и приземлился, достойно – на ноги: весь ободраный, облепленный паутиной, с листвою в волосах.

Трясущимися руками начал было обирать лесной мусор, не в силах собрать скачущие мысли, как вдруг услышал какое-то странное дребезжание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.